

Е.И. Канарская (Нижний Новгород, Россия)

Концепция двойничества в произведениях Н.В. Коляды (на материале «гоголевских» пьес)

Аннотация: В статье рассматриваются значение и способы выражения концепции двойничества, воплощенной в четырех «гоголевских» пьесах Н.В. Коляды. Автор приходит к выводу, что средствами создания двойников для Коляды выступают, прежде всего, доведенная до копияности «парность» персонажей, их многократное зеркальное повторение на основе помещения в идентичные ситуации и наделяния одинаковыми репликами, установление интертекстуальных связей, объединяющих внутритекстовые и претекстовые образы. Следуя за Н.В. Гоголем в признании ирреальной и противоестественной природы двойничества, отражающего всеобщность духовной пустоты, Н.В. Коляда «укрупняет координаты», подчеркивает тотальность действия хаоса, переворачивающего и разрушающего глубинные основания бытия. Опираясь на синтез романтической и постмодернистской традиций, а также на переосмысление эстетико-мировоззренческой модели произведений Н.В. Гоголя, двойничество у Н.В. Коляды выходит за рамки обычного литературного приема и становится одним из важных аспектов проявления собственной художественно-философской системы драматурга.

Ключевые слова: Николай Коляда, Гоголь, двойник, интертекстуальность, художественная рецепция

E.I. Kanarskaya (Nizhny Novgorod, Russia)

The Duplicity Conception in Works by Nikolai Kolyada (Based on the “Gogol” Plays)

Abstract: The article analyzes ways of expression the duplicity conception embodied in four “Gogol” plays by Nikolai Kolyada. The author comes to the conclusion that the main means of creating the doubles in plays by Kolyada are the “pairing” of characters brought to their full identity, their multiple reduplication on the basis of placing them in equal situations and giving the same speeches, the establishment of the intertextual communications uniting intratextual and pretextual images. Following Nikolai Gogol in recognition the unreal and unnatural essence of the duplicity, reflecting generality of spiritual emptiness, Nikolai Kolyada “enlarges coordinates”, emphasizes totality of action of the chaos overturning and destroying the fundamental bases of life. Relying on

the synthesis of romantic and postmodern traditions and also on the reconsideration of Gogol's aesthetic-ideological model, the duplicity in plays by Nikolai Kolyada is beyond an ordinary art practice and becomes an important aspect of manifestation the original literary-philosophical system of the playwright.

Key words: Nikolai Kolyada, Gogol, double, intertextuality, art reception

Пьесы современного драматурга Н.В. Коляды «Старосветские помещики», «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», «Коробочка», «Мертвые души» объединяет то, что в них тексты Н.В. Гоголя, не теряя своих исходных смыслов, пересоздаются в новой художественной системе, где эти смыслы развиваются и дополняются в соответствии с эстетико-мировоззренческими задачами другого автора.

Яркой иллюстрацией такой модели диалогического взаимодействия выступает особая концепция двойничества, реализуемая во всех перечисленных «гоголевских» пьесах Коляды и имеющая тесную связь с творчеством драматурга в целом.

В литературоведении существует несколько подходов к пониманию двойничества. Обобщая различные точки зрения, Т.Д. Комова выделяет две его разновидности: «раздвоение целого» (двойник развивает или травестирует отдельные качества «оригинала», часто становясь его антиподом) и «удвоение индивида» [Комова 2013: 6], когда двойники тождественны в определенном глубинном качестве и равнозначны.

В истории литературы явление двойничества прошло через ряд взаимосвязанных воплощений; в контексте настоящего исследования особый интерес представляют первый период его расцвета – эпоха романтизма и наиболее современная его «реинкарнация», представленная в творчестве постмодернистов.

Говоря о романтическом двойничестве, обычно отмечают, что оно, с одной стороны, является следствием внимания к противоречивой внутренней жизни личности, а с другой – отражает «смерть индивидуальности, заменимость одного человека другим, полное безразличие к нему как к цельному существу» [Берковский 1973: 343–344], т. е. явления, характерные для буржуазного общества в его художественном восприятии.

В результате в романтической парадигме драма «расщепленной» личности разворачивается на фоне обезличенного общества «автоматов», существующих механически и не знающих высоких чувств и целей. Эти «автоматы» – двойники, созданные по принципу «удвоения»: в совокупности они олицетворяют бездуховность как губительное для человека начало.

При этом важно, что двойничество в любой форме представляется романтикам одним из симптомов дисгармоничности жизни, являющейся следствием вторжения в мир деструктивного начала – хаоса.

В русской «послеромантической» литературе первый аспект романтического двойничества («раздвоение») был воспринят и реалистически переосмыслен прежде всего в творчестве Ф.М. Достоевского; что касается второго («удвоение»), то он оказался ближе художественной системе Н.В. Гоголя, о которой речь пойдет ниже в контексте анализа пьес Н.В. Коляды.

Далее, пропустив этап модернизма, в рамках настоящего исследования представляющийся промежуточным, обратимся к постмодернизму, где двойничество стало частью поэтики «деструкции».

Провозгласив принципиальную невозможность гармонии, целостности сознания, уникальности субъекта и его автономного существования, постмодернисты довели «удвоение» до «бесконечной череды копий без оригинала» [Липовецкий 1997: 205], образующей симулякр.

В самой идее интертекстуальности, предполагающей составленность текста и «мира как текста» из анонимных «цитат без кавычек», т. е. повторяемых элементов, заложены предпосылки двойничества, которое в постмодернистской интерпретации также является не более чем повтором.

С течением времени деструктивные по своей природе игра, симулятивность, мнимость, как и двойничество, доходящее до копийности, стали для художников не самоцелью, а эффективным средством трансляции ощущения нестабильности, «перевернутости» мира, открытого вторжения в него хаоса, перед которым герой постмодернизма оказался как никогда беззащитен.

Кроме того, в литературе развилось явление «интертекстуального двойничества», позволяющее непосредственно устанавливать связь между персонажами разных произведений и авторов, в последнем случае взаимодействуя с чужими смыслами в рамках своей образной системы.

Именно обозначенные открытия постмодернизма, а также предшествующая литературная традиция, берущая начало в поэтике романтизма, были восприняты и синтезированы в «гоголевских» пьесах Н.В. Коляды. При этом вектором, направляющим развитие его концепции двойничества, стала эстетико-мировоззренческая модель творчества Н.В. Гоголя, преобразованная в соответствии с интенцией драматурга.

Как и в поэтике Гоголя, система двойников у Коляды основана на принципе «удвоения», а не «раздвоения».

Наиболее очевидные случаи такого двойничества связаны с рецепцией парных персонажей Н.В. Гоголя (в первую очередь, Анны Григорьевны и Софьи Ивановны из «Мертвых душ») или разработкой гоголевских «пар», в претексте не достигших характерологической определенности (Мария Григорьевна и ее сестра из повести «Иван Федорович Шпонька и его тетушка», далее – «ИФС»). Однако если гоголевские парные персонажи – это «маленькая клетка, в которой пульсирует своя жизнь», и «отношение составляющих эту клетку компонентов неравноправное» [Манн 1996: 294], то героини Коляды – точные копии друг друга, не имеющие компенсаторной нагрузки.

Так, Анна Григорьевна и Софья Ивановна («Коробочка», «Мертвые души») не просто ведут симметрично бессмысленный, пустой диалог и совместно иницируют слух о Чичикове, как это было в претексте, а буквально отражают друг друга, дублируя фразы и действия собеседницы: «АННА ГРИГОРЬЕВНА. Вы представляете, вся деревня сбежалась, ребенки плачут, всё кричит, никто никого не понимает, ну просто – оррьр, оррьр, оррьр!.. СОФЬЯ ИВАНОВНА. Оррьрр, оррьр, оррьрр?!. АННА ГРИГОРЬЕВНА. Вот именно-с! Оррьр, оррьр, оррьр!..» [Коляда].

Кроме того, автор подчеркивает полную взаимозаменяемость данных персонажей, перенося номинацию «дама, приятная во всех отношениях» с Анны Григорьевны на Софью Ивановну и несколько раз «заставляя» одну из героинь произносить фразы, которые в претексте принадлежат ее собеседнице.

При этом важно, что драматург зачастую не ограничивает двойничество рамками одной пары, вовлекая в цепь повторов и других персонажей.

Так, в «Коробочке» и «Мертвых душах» часть разговора «дам», посвященная предприятию Чичикова, дословно повторяет предшествующий диалог Коробочки и Анны Григорьевны, причем в последнем Настасья Петровна играет речевую роль, впоследствии переходящую к Анне Григорьевне. Характерным маркером зеркальности в данном случае является использование приводившегося выше пассажа: «АННА ГРИГОРЬЕВНА. Орррьр, оррьр, орррьр?! КОРОБОЧКА. Вот именно-с! Оррьр, оррьр, оррьр!..» [Коляда].

В свою очередь, приезд Коробочки к Анне Григорьевне отсылает к эпизоду появления Чичикова в доме помещицы: они оба возникают в «ночное время», воспринимаются как «кучка грязи какая-то» [Коляда], оба испачкали «боки» во время поездки.

В пьесе «Старосветские помещики» пара Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны причудливо отражается в портрете Филемоны и Бавкида, причем изменение имен мифологических героев создает эффект «кривого зеркала». Кроме того, в сценах безобразного поглощения пищи и похорон Пульхерии Ивановны появляется «дворня», она же «сброд» из портретов, а также мухи, создающие эффект многократного отражения: «И вдруг всё ожило: выскочила откуда-то дворня... тащут стол, тарелки, чашки, ложки, ведра, банки, несут жратвы – море. Ожили и мухи, кинулись на еду, давай ее кусать... Афанасий Иванович сидит на постели, урчит как кот, ест. Пульхерия Ивановна тоже ест» [Коляда].

Следовательно, расширяя пространство повторяемости образов, Коляда не ограничивается контекстом парности, превращая персонажей в двойников за счет помещения их в одинаковые ситуации и наделения одними и теми же репликами.

Так, в «ИФШ» есть две «зеркальные» сцены застолья у Сторченко, в которых двойниками оказываются Василиса Кашпоровна и ее племянник: «Все вдруг хором заорали. НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА. Иван Федорович / Василиса Кашпоровна, возьмите крылышко, вон другое, с пупком!.. СТОРЧЕНКО / НАТАЛЬЯ ФОМИНИШНА. Ты что разинул рот с блюдом? Проси! Становись, подлец, на колени! Говори сейчас: “Иван Федорович / Василиса Кашпоровна, возьмите стегнушко!”» [Коляда]

Наконец нередко при пересоздании претекстового образа Коляда обращается к другим персонажам Гоголя, используя связанные с ними узнаваемые цитаты в репликах своего героя. Такой прием развивает или трансформирует образ за счет ассоциаций читателя, возникающих на основе «интертекстуального двойничества». Больше всего подобных примеров в пьесе «ИФШ», текст которой буквально представляет собой мозаику из отсылок к различным гоголевским произведениям. В частности, в характеристику Ивана Федоровича с помощью соответствующих цитат введены черты Ивана Петровича из «Утра делового человека» (навязчивая идея выслужиться и получить орден), Собачкина из «Отрывка» (самолюбование), Подколесина из «Женитьбы» (нерешительность) и героя «Набросков и материалов драмы из эпохи Богдана Хмельницкого» (романтическая возвышенность); Иван Иванович «соединен» с Семеном Семеновичем Батюшкой из одноименного отрывка (привычка смотреть в окно и участвовать в происходящем), а также с Антоном Прокофьевичем из «Повести о двух Иванах» (знаменитый пиджак) и т. д. Такая «перекрестная» интертекстуальность отражает отношение Коляды к творчеству Гоголя как к единому полотну, между отдельными элементами которого (в данном случае – персонажами) драматург устанавливает сходство, тем самым оказывая свое воздействие на произведения классика.

С другой стороны, возможен и обратный процесс: в ряде случаев интертекстуальность у Коляды становится источником появления собственных «внутритекстовых» двойников. Так, в «ИФШ» произносимые Сторченко, Василисой Кашповровой и Натальей Фоминишной фразы, изначально принадлежащие Ивану Ивановичу и Ивану Никифоровичу из «Повести о двух Иванах» («Чего у меня нет? Птицы, строение, амбары, всякая прихоть... Чего ж еще нет у меня?»; «С ними разбираться, так прежде надо поестъ гороху»; «Я полагаю, что короли хотят, чтобы мы все приняли турецкую веру» [Коляда] и т. д.), указывают на существенное сходство всех трех персонажей Коляды.

Безусловно, все описанные формы двойничества полифункциональны: в разных ситуациях они используются драматургом для развития образов, структурирования художественного материала, достижения комического эффекта и т. д. Однако во всех случаях создание двойников преследует и общую, глубинную цель, обусловленную едиными идейными основаниями, понимание которых требует обращения к художественной системе Н.В. Гоголя, а также к романтической и постмодернистской парадигмам.

В частности, Н.В. Гоголь, воспринявший и пересмотревший характерную для романтизма мысль об искажении (овеществлении, автоматизации, алогичности) реальности под действием незримых деструктивных сил, в своем зрелом творчестве отказался от явно фантастических элементов в пользу «нефантастической фантастики», скрытой «иррациональности, пропитавшей жизнь, как вода вату» [Манн 1996: 89]. Входя в мир, хаос разрушает в человеке, не готовом сопротивляться соблазну, всё истинно живое, погружая его в состояние пошлости.

По мысли художника, внешним свидетельством проникновения в жизнь ирреального начала выступает незаметный для персонажей «беспорядок природы», нарушение естественных законов, проявляющееся в гротескных образах, в гиперболах, произвольных репликах или действиях персонажей, алогизмах и т. д. Представляется, что двойничество в произведениях классика также входит в данный ряд искажений, одновременно показывая, как отдельные пороки («страстишки») и пошлость в целом обезличивают человека, подавляют присущую ему индивидуальность.

Следуя за Гоголем в изображении разрушительного воздействия ирреального зла на человеческую жизнь, Н.В. Коляда «укрупняет координаты» и демаскирует хаос, прибегая для этого к художественному аппарату постмодернизма.

Используя интертекстуальность не для игровой деконструкции смысла претекста, а для напоминания о нем, драматург заостряет гоголевские приемы создания «беспорядка природы» до предела, «извлекая» их из ткани текста на поверхность и доводя алогичность до ее высшей точки – абсурда. При этом, как и в поэтике Гоголя, в мире пьес Коляды такой абсурд амбивалентен: внешне он карнавально комичен, но внутренне – страшен.

Стремясь показать, что незаметное проникновение хаоса в реальность дошло до разрушительного вторжения, драматург открыто включает духовно безжизненных персонажей в бесконечный ряд двойников. Из всеобщей духовной мертвенности проистекает подчеркнутый автоматизм произнесения одинаковых реплик и участия в одних и тех же сценах, идентичность которых остается для многократно «удвоенных» персонажей неосознаваемой.

Именно в связи с данной философско-эстетической концепцией большинство случаев «окказионального» двойничества в пьесах Коляды переплетены с ситу-

ациями торжества телесного, пошлого начала и поэтикой страшного карнавала: таковы, например, сцены неистового поедания пищи в «Старосветских помещиках», окутанные атмосферой жуткого крика, шума и тьмы («Жрут оба, как сумасшедшие. Двери скрипят во всем доме. Темно за окном» [Коляда]).

Кроме того, неестественная природа двойничества и «перевернутая» карнавальность подкрепляются образами страшных масок и зеркал, несущих на себе печать смерти и ирреального начала. Так, в «Мертвых душах» драматург сохраняет гоголевское описание зеркала, показывавшего «вместо двух четыре глаза, а вместо лица какую-то лепешку» [Коляда]; в той же пьесе внезапно возникшие чиновники, беседующие с покойным прокурором, спрятаны за масками («В комнату набилась вдруг куча людей. Все в каких-то масках, вошли» [Коляда]).

Высшей точкой обнажения хаоса в «гоголевских» пьесах Коляды становится полное разоблачение двойничества и его природы, которое происходит в снах и видениях героев. Так, перед Коробочкой жители уездного города оборачиваются безликими мертвецами, сулящими ей гибель («Как вихорь взметнулся дремавший город!.. Будто на Страшном суде поднялись из земли обглоданные червями скелеты» [Коляда]); Шпонька и Чичиков в финале пьес видят сны, в которых все персонажи перепутаны, взаимозаменяемы и произносят характерные реплики друг друга.

Таким образом, в своих «гоголевских» пьесах Н.В. Коляда создает концепцию двойничества, которая основана на авторской инвариантной художественно-мировоззренческой модели, диалогически связанной с творчеством Н.В. Гоголя (а через его призму – с романтической традицией) и воплощающейся с помощью элементов поэтики постмодернизма. Посредством текстуальных и интертекстуальных «зеркал» драматург формирует бесконечные ряды ситуативных и константных двойников, которые призваны выразить основополагающую для его художественной системы идею всеобщей духовной пустоты и пошлости, ставших следствием необратимого вторжения в мир хаотического начала.

ЛИТЕРАТУРА

- Берковский Н.Я.* Романтизм в Германии. Л.: Художественная литература, 1973. 568 с.
- Коляда Н.В.* Иван Федорович Шпонька и его тетушка. kolyada.ur.ru/shponka/ (дата обращения: 05.03.2015).
- Коляда Н.В.* Коробочка. kolyada.ur.ru/korobochka/ (дата обращения: 05.03.2015).
- Коляда Н.В.* Мертвые души. kolyada.ur.ru/dead_souls/ (дата обращения: 05.03.2015).
- Коляда Н.В.* Старосветские помещики. kolyada.ur.ru/starosvet/ (дата обращения: 05.03.2015).
- Комова Т.Д.* Двойники в системе персонажей художественного произведения (на материале западноевропейской и русской литературы XIX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 23 с.
- Липовецкий М.Н.* Русский постмодернизм. (Очерки исторической поэтики). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1997. 317 с.
- Манн Ю.В.* Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. 474 с.

REFERENCES

- Berkovsky N.Ya. (1973) The Romantic Movement in Germany. Leningrad. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 568 p.

Kolyada N.V. Ivan Fyodorovich Shponka and His Aunt. kolyada.ur.ru/shponka/ (date accessed: 05.03.2015).

Kolyada N.V. Korobochka. kolyada.ur.ru/korobochka/ (date accessed: 05.03.2015).

Kolyada N.V. The Dead Souls. kolyada.ur.ru/dead_souls/ (date accessed: 05.03.2015).

Kolyada N.V. The Old-World Landowners. kolyada.ur.ru/starosvet/ (date accessed: 05.03.2015).

Komova T.D. (2013) The Doubles in the System of Characters of the Literary Work (Based on the Western European and Russian Literature of the 19th century). Extended Abstract of Cand. Sci. (Philol.) Thesis. Moscow. 23 p.

Lipovetsky M.N. (1997) Russian Postmodernism (Essays on Historical Poetics). Ekaterinburg. Ural State University Press. 317 p.

Mann Yu.V. (1996) Gogol's Poetics. Variations on the Theme. Moscow. Coda Publ. 474 p.

Сведения об авторе:

Екатерина Игоревна Канарская,
аспирант
Институт филологии и журналистики
кафедра русской литературы
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского

Ekaterina I. Kanarskaya,
Postgraduate Student
Institute of Philology and Journalism
Department of Russian Literature
Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod

ek-uf@yandex.ru